

Летопись о Тамерлане / продолжение

Category: Kitapcy, Taryhy proza

написано kitapcy | 24 января, 2025

Летопись о Тамерлане / продолжение Самаркандский правитель хорошо разбирался в людях. Его придворные летописцы с первых же дней усердно закрипели перьями, и выпранные восхваления эмира заполнили не одну страницу пространных трудов. С их лёгкой руки к титулу «эмир» стали добавлять определение «бузург» («великий»), хотя ещё ничего подлинно великого Тамерлан не совершил. Но ему понравилось это, и он счёл это необходимым. Его именовали «великим эмиром» во всех мечетях, где священнослужители произносили еженедельные проповеди. Эти слова появились и на монетах с его профилем.

И только дервиш Мирзо Якуб Худжанди в безвестности и удалённости, скупое и без лести, писал о том, что видели его глаза и слышали его уши. Он назвал свою книгу «Тарихи хакикат» («Правдивая история») и строго следовал этому заглавию.

Вот каким увидел дервиш прославляемого Тамерлана.

«Это был довольно высокий мужчина, широкоплечий, с хорошо развитым телом воина. Он хром и ходит, подволакивая правую ногу. Старая рана лишила его возможности уверенно действовать также правой рукой, и оттого он держится несколько скованно.

Черты его лица правильны и приятны. Он внешне напоминает араба, хотя проглядывают и монгольские черты. Небольшие, чёрные усы и борода, глаза зелёные, но цвет их изменчив. Они то светлеют, то темнеют, в зависимости от настроения. Он обладает сильной волей и способен подавить человека, говорящего с ним. Он напоминает барса, всегда готового к прыжку. Когда барс спит, он еле слышно мурлычет и кажется добродушным. Когда голоден, ревет и колотит себя хвостом по бёдрам, и горе тогда всему живому.

Говорит Тимур медленно, выделяя каждое слово. Голос его глуховат, но сильный и звучный.

Поражает то, сколь многое сделано Тамерланом за десятилетие нахождения у власти. Он всё предвидел, просчитывал каждый свой шаг и ни в чём не допускал ошибок. Ему противостояло крупнейшее в Средней Азии тюркское племя джалаириров, и он добился его раздробления, причём не пролив ни одной капли крови, одними только дипломатическими переговорами, подкупом, посулами и уверениями в своей дружбе. Одновременно Тимур, дав выгодные льготы массе кочевников, превратил их в преданное себе войско.

Историографы, изучавшие его победы и завоевания, нередко задавались вопросом: почему воины с таким усердием осуществляли кровавую жатву войны, уничтожали десятки тысяч пленных, возводили башни из отрубленных голов, истребляли стариков, женщин и детей?

Объяснение лежало, как говорится, на поверхности. Применялась, так называемая, система индульгенций, отпущения грехов, столь широко распространённая в средневековой Европе, где правила инквизиция. Вместе с войском Тамерлана следовало большое количество священнослужителей. Перед сражением они подбадривали воинов и сулили им райские кущи в случае гибели, ведь предстояла битва с неверными. Если воин оставался живым, то получал одобрение за своё мужество, и грехи тут же снимались с него. Он считался чистым перед Всевышним и мог дальше сражаться во имя распространения истинной веры. В выигрыше были и те, и другие. Воинов не мучили угрызения совести, а священнослужители получали долю от общей добычи.

Первые проявления неслыханной жестокости Тамерлана в дальнейшем стали для него обеденным явлением. Он сделал для себя важное открытие: страх парализует волю человека, в то время как послабления порождают в нём уверенность в безнаказанности. И чем более ты будешь свиреп по отношению к непокорным, тем спокойнее будешь за своё положение в дальнейшем. Тридцать пять последующих лет, во время завоевательских походов, пожинал он плоды этого страшного открытия и ни разу не усомнился в его действительности».

Общеизвестно, зимы в Средней Азии мало похожи одна на другую.

В иную пору вовсе не случается холодов, ярко светит солнце, тепло, и только по ночам хрусткий ледок покрывает лужи и закраины протоков.

А бывает и так, что морозы надолго сковывают притихшую землю. Стужа сиреневым туманом зависает в проулках, солнце белёсым пятном появляется на небе, а то и вовсе не показывается из-за плотной завесы туч. Сыпет не снег, а какая-то холодная крупа, похожая на манну небесную, которой Господь одарил иудеев, скитающихся в Синайской пустыне. Только самаркандской ледяной крупой не прокормишься. Она забивается за ворот, ударяет по смеженным векам и ещё больше усиливает уныние от надолго воцарившегося ненастья.

Такая суровая и обессиливающая зима выдалась в тот год, когда дервиш Мирзо Якуб Худжанди начал свою правдивую летопись. Ночами он иногда пристраивался то в подворья к богатым шейхам, то ютился в караван-сараях, среди мерно жующих верблюдов и жался к их мохнатым бокам, чтобы унять дрожь иззябшего тела. А то находил приют в чайханах, где коротал часы до рассвета на краешке тахты под старым, рваным одеялом. Днём же бродил по городу, съёжившийся и нахохлившийся, как воробей, добывая себе пропитание и прислушиваясь к разговорам торговцев, караванщиков, ремесленников и просто бродячего люда. Удавалось узнать много интересного об эмире и его окружении, о делах, происходящих во дворце. Это скрашивало тяготы суровой зимы, по все видимости, посланной шайтаном на землю в ту пору, когда Всевышний был до крайности занят, вникая в споры обленившихся от праздности праведников. Святой странник понимал греховность таких мыслей, но в его душе уживались и убеждённости правоверного мусульманина и скепсис философа, повидавшего мир и влюблённого в творения Омара Хайяма.

Мирзо Якуб считал, что он нашёл свой истинный путь, составляя жизнеописание Тамерлана, предназначенное для потомков, и потому не содержащее ни восхвалений, ни уверений в своей преданности этому необыкновенному правителю. Одно только угнетало дервиша, он не мог писать. От холода пальцы скрючились и напоминали когти старого ворона, потому он так

торопил приход весны. Мыслей было полно, а запечатлевать их на бумаге удавалось редко. Иногда доводилось остановиться у костра, который разводили стражники на площадях. Жалели они иззябшего дервиша в рваном плаще, сквозь прорехи которого виднелось тощее тело, и пускали его присесть рядом с собой у жаркого огня. Тогда отогревался он, и его тростниковый калам нанизывал строки на бумажной глади.

«Тамерлан – умный и жёсткий политик. Его армия растёт, её нужно содержать, и он раздаёт пустующие земли Мавераннахра осёдлому населению и призывает их обрабатывать. Даёт даже деньги на первоначальное обзаведение скотом и необходимым инвентарём. Он оказывает знаки внимания крупным шейхам, которые владеют умами простого люда, и те призывают повиноваться эмиру и выполнять его указания.

Путь к вершине абсолютной власти редко бывает прямым. Он больше напоминает извилистую тропу, которая петляет, огибая препятствия, скользит между осыпями, заставляет пробираться сквозь заросли колючих растений и затрачивать многие часы на подъём к вожделенному гребню. Долгое десятилетие взбирался Тамерлан по этой тропе, и остаётся только удивляться его упорству, терпению и прозорливости, которые, к конечному итоге, привели к цели.

Преодолевая сопротивление недоброжелателей, Тимур опирался на крепкую армию, которую создавал не один год. Именно она стала тем решающим аргументом, которым он подкреплял свои притязания на единовластие.

Жестокость эмир проявлял по отношению к врагам, со своими же сторонниками он был мягок, гибок в обращении и старался не ударять по самолюбию.

Было бы ошибкой предполагать, что вожди племён мирились со всеми нововведениями Тамерлана и принимали их как должное. В его государстве то и дело вспыхивали мятежи, и тогда самаркандский правитель показывал свою силу. Он действовал быстро, жёстко и старался не оставлять в живых никого из тех вождей, которые выказывали непокорство.

«Змея, ужалившая один раз, способна ужалить вторично, – читаем

мы в «Ясе» Чингисхана. – Отруби ей голову, и ты можешь спокойно ехать дальше».

Дервиш Мирзо Якуб Худжанди, пережив холодную зиму и дождавшись тёплой весны, отправился в путь по дорогам Мавераннахра. Приятно грело солнце, подсохли дороги и сады набрасывали на свои плечи зелёные плащи. Весело перекликались птицы, приветствуя одинокого путника, и он улыбался им в ответ, обнаруживая нехватку зубов. Он заходил в селения или сворачивал с дороги в поле, где трудились земледельцы, и никто и нигде не отказывал ему в подаянии.

«О, благодатная весна, – мурлыкал себе под нос дервиш. – Ты отогреваешь не только замёрзшую землю, но и сердца людей. И если зимой трудно было достучаться до тайников их щедрости, то сейчас они сами распахивают двери, отринув скупость и равнодушие».

Забывшись, дервиш запел было бейты вольнодумца Саади, как и он, влюблённого в жизнь и не знающего покоя. Поймал себя на этом и устыдился. Ему пристало вспоминать строки священных писаний и не поддаваться суетности бытия. Но что поделаешь с неугомонным сердцем, в котором весна возродила молодость? И он осмотрелся по сторонам, престарелый Мирзо Якуб Худжанди, и простил сам себя.

«А вы бы смогли устоять перед очарованием самого лучшего времени года? И почему, скажите, поэзия родилась на Востоке, прижилась тут и никак не хочет перебираться в другие края, где ценят её теперь не меньше и хотят переманить к себе? – мысленно спорил дервиш с невидимым собеседником, мерно шагая по наезженной колее. – Не знаете, вот то-то. А дело в душе народа, поэтичного, способного понимать и ценить красоту. Но и этого мало, нужно ещё уметь создавать красоту. Всё это Востоку присуще в полной мере».

Дервиш заметил огоньки дальнего селения и побрёл туда, рассчитывая переночевать под крышей.

При тусклом свете масляного светильника он сделал следующую запись.

«Как отражается солнце в плавных водах реки и дробится в её

волнах на множество искорок, так и деяния светлейшего эмира Тимура получают отклик в сердцах его подданных. И разные люди говорят о нём разное. Одни превозносят эмира до небес, считая даже его хромоту знаком отмеченности свыше, другие бранят и проклинают, утверждают, что ещё много бед причинит он людям. Что скажу о самаркандском эмире я, смиренный дервиш, который обязался говорить лишь правду? Мой калам бессилен воссоздать во всей полноте обилие его свершений. Он укрепил города, отогнал кочевников от Мавераннахра, положил конец раздорам знатных ханов, которые осыпали друг друга проклятьями, а сражались за них их подданные. Справедливо ли это? Теперь земледельцы занимаются своим трудом, животноводы разводят скот, а ремесленники стучат молотками, вращают гончарные круги, мнут кожи, ткнут ткани ... Но стали ли они жить лучше? Нет, и ещё раз нет. Эмир собирает огромную армию, а содержит её народ. Его приближённые купаются в роскоши, а создают эти блага руки простых тружеников, которые обделяют при этом себя. Подозрительность лишила эмира умения смеяться. Он всегда хмур и мрачен, а если когда развеселится, то смех его отрывистый и резкий и напоминает лай. И в этом нет ничего странного. Всякая власть неотделима от насилия, насилие же порождает ненависть и недоверие, которые выжигают душу, как жаркое солнце безводную степь.

«История преподносит нам не писаное правило, – писал просвещенный дервиш. – Каждый крупный государственный деятель, вождь или полководец, формируя своё время под себя, непременно должен не только соответствовать своему времени, но и как бы подниматься над ним. Он должен походить на капитана корабля, который находится на возвышении, на капитанском мостике, и видит больше всей остальной команды, оттого приказы его верны и осмысленны.

Тамерлан как раз и был таким капитаном».

Мирзо Якуб Худжанди наблюдал за ним из отдаления, слушая, что говорят об эмире его приближённые и простой народ, заносая в свою памятную тетрадь следующие строки.

«Эмир не читает творений философов, хотя и знает о них, но по глубине ума он превосходит всех крупных мыслителей, с которыми

мне когда-либо приходилось встречаться. Его разум не заключён в золотую клетку самомнения. Он постоянно учится у людей, с которыми ему приходится иметь дело. И Тимур, с которым вы беседовали год назад, значительно уступает по широте мышления и глубине охвата событий Тимуру сегодняшнему. Редко мне приходилось встречать людей, подобных ему, и они неизменно вызвали у меня глубокое изумление.

Несмотря на свою занятость государственными делами и обучение армии, он постоянно собирает в своём дворце купцов и дервишей, побывавших в разных странах. И они рассказывают ему о тамошних правителях и их армиях, жизненном укладе, дорогах и крепостных сооружениях. И отправляясь завоёвывать какое-либо государство, он знает о нём всё и, что особенно важно, уже знает как управлять этим народом.

Воистину, Всевышний наградил его особым даром: из мелких кирпичиков разнородных событий возводилось величественное здание будущих замыслов».

И далее Мирзо Якуб Худжанди добавляет: «Я благодарен Всевышнему за то, что он внял моим молитвам и дал возможность стать свидетелем больших дел. Потомки будут благодарны мне за их описания, и я, взяв в руки посох благочестия, отправился по пути правдивого повествования.

Часты были в тронном зале и военные советы. На них приглашались военачальники не ниже тысячников. Тут уже Тамерлан представал перед ними не благожелательным собеседником, а жёстким и суровым полководцем. Он не терпел пустых рассуждений и невнятных ответов. Говорил коротко, чётко, со знанием дела.

Жестокость Тамерлана превосходит все пределы, – читаем мы в летописях худжандского дервиша. – Если на людей не действует сила, значит, их сломит страх. В Сеистане, по его приказу, из тел живых людей складывали горы, потом заваливали их дровами и поджигали. Вопли горящих людей и чёрные клубы дыма устремлялись в небо.

В Исфахане перебили семьдесят пять тысяч человек. Ими выложили площади и городские улицы, и по ним торжественным маршем

проехали победители. В кровавом месиве вязли копыта лошадей, всадники до колен были забрызганы багровой жижой, но этого казалось мало мрачному и молчаливому эмиру. Он стремился доотказа заполнить Иран трепетом и страхом. Его воины создавали «виноградники» из живых младенцев, которых подвешивали в садах вниз головой. Он заставлял несчастных родителей своими руками убивать детей, жарить их мясо и поедать. Но не все выполняли его приказы. Бессчётное количество людей сходило с ума, иные бросались на копья воинов и погибали. Другие голыми руками сражались с всадниками и падали мёртвыми, разрубленные мечами. Это была подлинная вакханалия убийств и насилия.

Ночь бывает не только тогда, когда на землю опускается мрак, пришедший на смену ясному дню. Она может затмить целую страну дымом пожарищ, наполнить её смрадом гниющих тел и стонами тех, кому не посчастливилось умереть сразу. Именно в такую мглу и погрузил Иран кровавый Тимур, пришедший туда незванным и показавший всему миру свой облик беспощадного и страшного в ненасытности хищника.

«Горе побеждённым» – гласило древнее римское изречение. И те несчастья, которые обрушились на Иран, не были сравнимы ни с какими стихийными бедствиями.

Я много думал: в чём причина бесчеловечной жестокости Тамерлана? – читаем мы в рукописях Мирзо Якуба Худжанди. – Я пришёл к выводу, что причиной стало увечье, которое эмир получил в битве, и которое сделало его хромым и сухоруким. Именно он постепенно меняло его сознание. Он начал ненавидеть здоровых и крепких людей, испытывал злорадство при виде их страданий. Стоны и вопли умирающих тешили его слух. Именно тут и кроются истоки той невероятной жестокости, которой «прославился» Тамерлан в последующих веках».

Армия Тамерлана стремительно продвигалась по захваченным землям, останавливаясь лишь на короткие передышки. И за ней двигался согбенный, тщедушный дервиш, своими глазами, видевший ту страшную жатву, которую собирала с полей сражений война. Дервиш Мирзо Якуб Худжанди обходил такие места, но их было

слишком много и приходилось петлять по степям, значительно отставая от идущей впереди армии.

Дервиш гнал перед собой осла, который вёз его убогие пожитки. Этого четвероногого друга странник подобрал в сгоревшем до пепла селении. По странной случайности уцелел лишь загон, в котором бился и кричал от страха одинокий осёл. Дервиш отвязал его, напоил и накормил, и вот уже пять лет они вместе бредут извилами дорог, чтобы своими глазами видеть, что принёс в этот мир последователь страшного, рыжебородого монгольского хана Чингиса – самаркандский эмир Тамерлан.

Солнце опаляло Мирзо Якуба Худжанди своим безжалостным жаром, дожди смачивали его плащ, состоявший из множества заплат, холод заставлял ёжиться и стучать зубами, но он, как и его длинноухий спутник, безропотно переносил все тяготы бесконечного пути. И когда выпадала возможность, его тростниковый калам нанизывал одну за другой строки арабской вязи на длинные полосы бумаги.

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Я, Хаджи Мирзо Якуб Худжанди, поверяю бумаге свои впечатления от увиденного. Вновь и вновь кружу я по пыльным дорогам Вселенной и дивлюсь её долготерпению, ибо те зверства, которые творит Железный хромец, превосходят всякое человеческое воображение. Тигр убивает жертву и больше не преследует бегущее в панике стадо, ибо ему хватит пищи на ближайшие дни. Наевшись досыта, он спит в камышах. Тамерлан же не знает насыщения. Он проливает кровь реками, и вчерашние убийства меркнут перед теми, которые он совершает сегодня.

Я, безвестный дервиш и скиталец, пишу то, что думаю, и то, что вижу, не боясь оскорбить слух Тамерлана резкостью своих суждений о нём. Он сам велел мне писать правду о себе, и я строго исполняю его повеление. Свои листки я отдаю переписчикам, чтобы они размножили их, и чтобы мой труд не развеял ветер времени. Кто-то мне сообщил, что Тамерлану читали мои записи, но что он сказал о них и не вызвали ли они его гнев, о том я остаюсь в неведении».

И хотя Мирзо Якуб Худжанди тщательно составлял жизнеописание

самаркандского эмира, в жизни им довелось встретиться всего три раза. О первом мы уже рассказывали. Второй раз произошёл помимо желания дервиша. Он следовал за армией Тамерлана и уже подъезжал к Ширазу, когда увидел конный разъезд, стремительно приближавшийся к нему. Трое всадников мчались во весь опор. Они подскакали к дервишу и осадили коней, которые хрипя и оседая на задние ноги, взрыли копытами слежавшуюся землю. Один из воинов без всяких слов огрел плетью бедного осла, тот заревел и бросился в сторону. Второй удар обрушился бы на плечи странника, но он успел сдвинуть колпак на затылок и показал воинам золотую пайцзу, прикреплённую тонким обручем ко лбу. Всадники переглянулись, и старший, запалённый и загоревший до черноты, устало произнёс.

– Скорее уходи в сторону, старик. Лови своего осла и не медли. Армия светлейшего эмира поворачивает назад. Тебя раздавят, как муравья.

Мирзо Якуб не медлил и последовал совету воина. Он успел добраться до подножия крутого холма, как почувствовал дрожание земли под ногами. Показался передовой отряд, который внимательно озирал окрестности. За ним последовала группа всадников, над головами которых развевалось зелёное знамя, с вышитыми на нём золотом изречениями из Корана. А дальше один за другим ехали скорой рысью боевые тумены Тамерлана. Стоял жаркий день. Ярко светило солнце, неспешно двигаясь по выцветшей от зноя глади неба. Всадники рядами проезжали мимо недвижно стоявшего дервиша, и не было им числа. Лучи светила отражались от панцирей воинов, играли на шишаках шлемов и рукоятках сабель. Серебряные бляхи, украшавшие поводья, стократно увеличивали их блеск и слепили глаза старика.

«Это была буря, которую не остановило бы никакое препятствие. Тысячи конских копыт топтали степь, и она стонала под тяжестью войска, как стонет издыхающий пёс, попавший под колёса арбы. Проходил тумен, и за ним оставалась мёртвая земля, вытаптывались даже сухие стебли бурьяна.

Я смотрел на это огромное скопище крепких и здоровых людей, главным занятием которых было убийство, и думал, если бы они возделывали, а не утрамбовывали землю до гулкого звона, мы

увидели бы райские сады в этих краях. Но туфон, буря, подобный этому, не нёс с собой влагу, которую ожидала истомлённая солнцем земля, а становился суховеем, несущим бесплодие. Надо было самому увидеть армию непобедимого Тамерлана, чтобы представить её сокрушительное могущество.

Группа всадников, числом в двадцать человек, следовала в стороне от войска, чтобы не глотать густую жёлтую пыль. Завидев меня, они ускорили бег коней и подъехали ко мне вплотную. Это был сам Железный хромец со своими военачальниками. И хотя со дня нашей встречи прошло не так много лет, он сильно изменился. Черты лица стали резче, взгляд был мрачным и недоверчивым. Он выглядел старше своих лет, в нём ощущались непреклонная воля и решимость. Я сравнил бы его со стрелой, которая сорвалась с тетивы лука и устремилась вперёд, и её смертоносное паренье уже не остановить никому.

Монголы почитают бога войны Сульдэ, которые едет вместе с войском на белоснежном аргамеке, но которого никому не удаётся увидеть. В тот день я повстречался со свирепым Сульдэ, это был Тимур и его лицезрение никому не доставляло радости».

Такую запись оставил последующим поколениями дервиш Мирзо Якуб Худжанди, и она мало похожа на те льстивые восхваления эмира, которыми были полны летописи его придворных борзописцев.

– А, это ты, почтенный дервиш, – проговорил Тамерлан, кивком приветствуя своего тайного биографа. – Ты ещё жив? Всё ли у тебя есть и не терпишь ли в чём-либо нужды?

Хаджи Мирзо Якуб Худжанди приложил руки к груди и поклонился.

– Благодарю, великий государь, у меня есть всё, в чём нуждается странник. Мои ноги ещё в состоянии шагать по дорогам Вселенной, а руки удерживают тростниковый калам.

– Ты помнишь наш уговор?

– Не только помню, но и исполняю его, светлейший повелитель.

Тимур больше не сказал ни слова. Он повернул лошадь в сторону, и вскоре сам он и сопровождающие его всадники исчезли в беспредельной степи.

Дервиш хлопнул рукой осла по пыльному крупу.

– Вперёд, Бекир, клубок наших странствий ещё не размотался до

конца. Когда-нибудь ты поведаешь своим длинноухим собратьям о тех чудесах, которые довелось нам увидеть в пути.

«Словно полчища саранчи обрушивалась армия Тамерлана на беззащитные города, – записал Мирзо Якуб Худжанди. – Их жители жалели о том дне, когда появились на свет. Живые завидовали мёртвым. Беззащитность жертв ещё сильнее распаляла воинов эмира, и они старались превзойти один другого в жесткости и бессердечии.

Каждая пора человеческой жизни имеет свои ценности. Молодость не согласна с устремлениями зрелости, а той и другой непостижимы желания старости. И нужно пережить все поры цветения, плодоношения и увядания, чтобы обогатиться главным достоянием Бытия – мудростью. Тамерлан стал понимать тщетность обогащения, погони за наслаждениями, одно лишь казалось ему значительным и желанным – безмерная власть и грядущая слава.

Он пришёл к выводу, который казался единственно неоспоримым: уж если ты творишь Зло, то оно должно быть настолько громадным, чтобы только об одном упоминании о нём содрогались целые народы, и память об этих злодеяниях пережила бы многие поколения. Только тогда тебя будут славить и почитать, только тогда будут оспаривать твоё имя и твою принадлежность к той или иной стране, к тому или иному народу».

Можно долго и обстоятельно рассуждать о военных успехах Тамерлана, анализируя все стороны его деяний: организаторскую, политическую и хозяйственную, отдавая должное его полководческому таланту и целеустремлённости. Но всё это будет взглядом со стороны, через минувшие века, и не будет содержаться в этом анализе объективности очевидца. Обратимся к записям Мирзо Якуба Худжанди.

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного, – писал он своим чётким, летучим почерком. – Как сель со склонов крутой горы обрушивалась армия самаркандского эмира на страны и народы, и никто не мог противостоять её мощи. И я, верный служитель Истины, задавался целью хоть немного, в силу своего недалёкого ума, разобраться: в чём же секрет победоносных походов великого Тимура?

Создавая свою армию, эмир многому учился у Чингисхана. Жёсткая дисциплина скрепляла воедино сотни тысяч человек. Каждый воин знал своё место в десятке, сотне, тысяче, десяти тысячах. Опоздание в строй каралось смертью. За трусость одного воина казнился весь десяток.

Выучка воинов была такова, что по взмаху руки эмира десятки тысяч человек перестраивались, съезжались и разъезжались, обманно пускались в бегство, а потом разом поворачивали коней и снова бросались на врага. Армия повиновалась своему полководцу, как повинуются нам пальцы руки.

Тимур был жесток, но справедлив по отношению к своим воинам. Немилосердно карая за нарушение дисциплины, он щедро одаривал их при дележе добычи, справедливо полагая, что сытый человек съест и украдёт меньше, чем оголодавший.

Я видел, как эмир обучал свою армию в зной и холод, в дождливую погоду и в снежных завалах, в безлюдных степях и крутых горах, вздыбившихся к небу, и скажу, что тяжкий труд земледельца казался отдыхом по сравнению с теми тяготами, которые выпадали на долю его воинов. Просто труд одних оплачивался медяками, а в походных вьюках других звенело золото.

Поступки Тимура не осмыслялись здоровой логикой. Он умерщвлял тысячи людей, его армия уходила, оставляя за собой клубы дыма, развалины и пепелища. Куда как разумнее было оставлять эти страны в целостности; процветая, они бы приносили ему ещё большие блага. Но он действовал как хищник, который напившись крови, жаждет её ещё и ещё.

Деяния Тимура, совершённые за тридцать пять лет правления, побуждают исследователей задумываться о феномене его личности. Он был кочевником по происхождению и приверженцем осёдлого образа жизни, по сути. Он был человеком средней образованности и в то же время обнаруживал такие познания в ряде наук, что ставил в тупик даже самых просвещённых людей своего времени. Он был невероятно, фантастически жесток и в то же время сентиментален. Его летописец Мирзо Якуб, следовавший за ним повсюду, отмечал: когда в походе конь эмира случайно наступил

на гнездо куропатки и раздавил копытом находившихся там птенцов, на глазах грозного воителя появились слёзы. Он тонко чувствовал красоту стихов и знал большое количество строк на память. Он высоко ценил изящество и благородство женщин и казнил их тысячами наравне с мужчинами.

И приходится сделать вывод, что подлинного Тимура и то, каким был его духовный облик, наверное, никому и никогда уже не удастся восстановить во всей полноте. Летописи, показывающие его, как великого полководца и непревзойденного государственного деятеля, писались в таком ключе с его согласия. И остаётся только сказать, что он был велик и низок, мудр и бесчеловечен, и противоречив в той же мере, в какой была противоречива и сложна его эпоха. Бытие формирует сознание, говорим мы привычно, и жизнь Тамерлана служит великолепным подтверждением этой истины».

В 1401 году, подавив восстание в Багдаде, Тимур приказал своим воинам обезглавить девяносто тысяч человек и из их голов соорудить сто двадцать башен. Исполняя это повеление, его воины зверски убивали стариков, женщин и детей, а также всех пленных. Такие пирамиды высились на центральных площадях во всех покоренных городах. Захватив один город в малой Азии, Тимур распорядился уложить на дорогу всех детей и пустить по ним упряжки. В головной ехал он сам. Детский плач и крики не трогали его. Хрустели под колёсами кости, кровь ручьями текла по обочине, а он был бесстрастен и только уголки губ кривились в иронической усмешке.

Но и это был не предел его сверхчеловеческого зверства. Население Хорасана восстало против кровавого владычества Тимура. Подавив восстание, Тимур приказал закладывать кирпичом и заливать известью живых людей и возвёл, таким образом, стены вокруг мятежного города. Частыми были случаи, когда воины Тимура заживо хоронили попавших к ним в плен противников. Однажды такой ужасной казни были подвергнуты сразу четыре тысячи человек.

Он ставил себе целью превзойти Чингисхана в его злодеяниях и превзошёл его в ужасной жестокости, сравнимой с каннибализмом.

Тростниковый калам Мирзо Якуба Худжанди скользил по желтоватому листку бумаги, оставив следующие строки: «Самаркандского эмира часто сравнивают с Чингисханом, произнося и то, и другое имена с отвращением. Но можно ли их уподоблять друг другу? Я полагаю, это было бы неверным. У них мало чего общего между собой. Чингисхан творил свои жестокости неосознанно, они были свойством его натуры. Он вырос в дикой и необузданной среде. Он не знал другого образа жизни. Науки, просвещение и тонкости поэзии не интересовали монгольского владыку, и, более того, внушали ему отвращение. Тимур, напротив, воспитывался в среде, не чуждой культуры. Его кругозор и восприятие мира были несравненно шире, нежели у монгольского владыки, которому он стремился подражать. Таким образом, и разрушения, и убийства он творил осознанно. У него были периоды раскаяния. Строительство мечетей и то, что он, уничтожая единоверцев десятками тысяч, приказывал оставлять в живых служителей единого и всемогущего Бога, говорили о том, что он понимал, что совершает. Но жажда власти и идея мирового господства подавляли в нём те зачатки человечности, которые, как ростки, пробивались на сухой и каменистой почве его души. Тамерлан одолевал самых могущественных врагов и оказался бессильным перед лицом приближающейся смерти. Жизнь словно смеялась над ним, с каждым днём ставя всё более неразрешимые задачи, а смерть, которой он верно служил почти четыре десятилетия, не желала предоставить ему необходимую отсрочку. С утра до вечера он занимался с армией. А ночью Тимур подолгу лежал без сна, с тревогой прислушиваясь к своему сердцу, которое трепыхалось, словно птица, пойманная в силки. Грустно было осознавать неизбежность конца и это при том, когда контуры огромной империи начинали обретать явственные пределы. Были покорены Иран, Индия, Кавказ, предстояло рассчитаться с Китаем.

Дервиш Мирзо Якуб Худжанди сопровождал армию Тамерлана во всех её продвижениях.

Громадная армия двинулась в поход. Стояла зима 1405 года. Чёткие квадраты туменов один за другим выходили из ворот

Самарканда. Горожане провожали войска, по обыкновению вытянувшись по обеим сторонам улицы. Грозный Тамерлан был их славой, но он же был тяжким бременем, лежавшим на их плечах. И потому они с чувством облегчения провожали в дальний путь своего эмира. Какое-то время в городе будет затишье, а это уже само по себе неплохо ... И никто даже не предполагал, что тот путь, в который отправлялся Тамерлан, будет длиной в вечность. Армия добралась до Отрара, древнего азиатского города в среднем течении Сырдарьи, значительно позже намеченного срока. Точно огромная змея, втягивалась она в широко распахнутые ворота. Тимур сидел на беспокойно перебиравшем копытами коне и следил за передвижением туменов. Он бросил взгляд на Сырдарью и удивился: вода у её берегов замёрзла, лёд тускло блестел в слабом свете негреющего солнца. Таких холодов в этих местах не помнили даже старожилы.

Озноб охватил эмира, тело затряслось в мелкой дрожи, не спасала даже тяжёлая шуба из волчьего меха. Он упал бы с лошади, но его успели подхватить телохранители.

Сутки пролежал он в беспамятстве. Пришёл в себя под вечер. Просторный зал тускло освещался масляными светильниками. В горле саднило, сильно хотелось пить. Было нестерпимо жарко, испарина покрывала лицо, но мёрзли ноги. Он попытался пошевелить ими, но они не повиновались ему.

«Это конец», – мелькнуло в сознании.

– Хочу видеть дервиша, – невнятно проговорил он.

Приближённые недоумённо переглянулись. «Бредит», – подумалось им, но Тимур был настойчив в своей просьбе.

– Дервиша ... Мирзо Якуба Худжанди ... Он едет следом за армией ...

Один из военачальников вскочил на ноги и вышел из зала.

Вскоре несколько разъездов, бешено нахлёстывая коней, помчались по степным дорогам, отыскивая безвестного дервиша.

Странника заметили издалека. Его чёрная фигура хорошо различалась на заснеженном просторе. Воины подлетели к нему и разом осадил коней. Мирзо Якуб Худжанди ехал на осле. Оба они заоченели и двигались с трудом. Грубый халат дервиша и войлочную шапку опушил иней, узкая седая борода подрагивала.

– Тебя хочет видеть преславный эмир, – простуженным голосом

проговорил военачальник. – Поспешай за нами.

Но поспешать дервиш был не в состоянии. Его осёл едва переставлял ноги, сам путник сгорбился и не мог произнести ни слова. Тогда по приказу военачальника его посадили на лошадь за спиной одного из воинов.

– Мой осёл ... – с трудом пробормотал дервиш.

– Эмир подарит тебе арабского скакуна! – выкрикнул военачальник. – Урагх! (Вперёд!)

Во дворце дервиша обогрели, дали поесть, а потом повели к Тимуру. Согбенный Мирзо Якуб с трудом переставлял ноги после долгого пути по промёрзлой степи, где студёные ветры выли отходную всему живому.

Вид самаркандского правителя поразил дервиша. Он помнил Тамерлана зрелым мужчиной, а теперь на груди одеял, укрытый меховыми шубами, лежал седой старик. Глаза его потухли и ввалились, лицо избородили глубокие морщины.

– Ты ... ты писал обо мне? – еле слышно проговорил Тимур.

Мирзо Якуб Худжанди придвинулся поближе к Тимуру и склонился над ним, чтобы лучше слышать его слова.

– Как вы и велели, светлейший государь, – почтительно ответил он. – Я вёл летопись всех ваших походов.

– И писал правду?

– Только правду, – твёрдо проговорил дервиш. Он выпрямился и посмотрел в глаза умирающему покорителю Вселенной. Это невольное движение успокоило Тимура. Льстецы так себя не ведут, они, напротив, склоняются в поклоне и прячут взгляд.

– Это хорошо, – прошептал эмир. – Народы должны знать правду обо мне.

Мирзо Якуб Худжанди глядел на обессилевшего эмира и думал и думал о прихотливых извивах судьбы. Он, простой скиталец по пыльным дорогам мира, просил Всевышнего даровать ему милость: стать свидетелем великих потрясений и описать их, чтобы не кануть в безвестность и оставить свой след на песке времён. И Создатель прислушался к его мольбе. Он, Мирзо Якуб Худжанди, своими глазами видел те страшные дела, которые творил этот измождённый старик, лежавший перед ним. Кровь текла реками и

башни, сложенные из отрубленных голов, соперничали по высоте с горами. Во имя чего это делалось и кому приносили радость громкие победы, кроме самого Железного хромца и его окружения? Сотни тысяч людей покинули солнечный мир по его прихоти, и теперь в будущем образуются громадные пустоты, потому что не все погибшие оставили потомство и не все продолжили род людской. Дервиш запечатлел всё это на бумаге, но не испытывал удовлетворения. Его тростниковый калам бессилён был отыскать слова, которые могли бы передать весь ужас содеянного Тамерланом на земле, которая предназначалась для всего человечества и на которой было тесно ему одному.

– Скажи, – хрипло пробормотал Тамерлан, – что я ...

Его дальнейшие слова были неразличимы и дервиш понижё склонился к умирающему, чтобы лучше расслышать их.

– Что я сделал хорошего в жизни? – разобрал Мирзо Якуб. Он выпрямил затёкшую спину и задумался. Что сказать этому человеку, уходящему в иной мир? Не ему, дервишу, избравшему путь служения Аллаху, судить потрясателя Вселенной, всесильного и могучего эмира. Это сделает тот, кто призывает его к себе, и кто решил, наконец, оборвать цепь кровавых злодеяний. Перед внутренним взором Мирзо Якуба Худжанди проплывали картины виденного за все эти годы. Громадный ров в Индии, доверху наполненный загустевшей кровью, колыхавшейся, как ртуть; пирамиды, сложенные из десятков тысяч голов; дорога, на которой рядами были уложены кричавшие младенцы; и он, эмир Тимур, проезжавший на повозке по телам детей; стены, сложенные из живых людей; костры, на которых заживо сгорали сотни ни в чём не повинных людей; тысячи людей, закопанных в землю, и земля, долго потом колыхавшаяся над страшной могилой ... Как сказать об этом умиравшему эмиру и вправе ли он, дервиш, говорить ему о его свершениях? Он лишь описал то, что видел, а судить о Тимуре, восхвалять его или проклинать, будут те, которые придут через сотни лет после них. Но Тимур ждал ответа, и тогда Мирзо Якуб Худжанди пробормотал: – Были и у тебя хорошие дела. Помнится, мне рассказывали, что однажды в молодости ты перевёз на лошади через дождевой поток старую женщину с поклажей ...

И Тимур понял, понял, что уже сейчас ничего доброго нельзя сказать о его деяниях, и их оценка в будущем будет ещё суровее.

Его хоронили в Самарканде, городе, ставшем столицей его империи, никого не поставив о том в известность. Права на покойного заявили барласские ханы, из рода которых он происходил. И потому сперва хоронили его согласно монгольскому обычаю.

«На этом можно было бы поставить точку, – записал Мирзо Якуб Худжанди, – если бы не последовало продолжение. Сын Тимура, Шахрух, правоверный и фанатичный мусульманин, узнав о погребении отца по монгольскому обычаю, пришёл в страшную ярость. Приказал извлечь прах покойного и предать земле так, как того требуют незыблемые правила шариата.

И это было сделано. Тяжёлая каменная плита закрыла могилу самаркандского эмира. Её с трудом надвинули десять человек, покряхтывая от натуги и обливаясь потом. Обтесать плиту и нанести на её поверхность затейливые строки арабской вязи поручили одному из лучших каменщиков города, старому мастеру Ашурмамаду.

Плита выглядела достойно, ровная, без единого скола, отполированная до блеска, и надпись на ней поражала изяществом исполнения.

Один из учеников Ашурмамада, молодой и старательный Ниёз, провёл рукой по глади плиты и спросил.

– Учитель, а зачем такая тяжёлая плита?

Мастер окинул взглядом усыпальницу, словно желая убедиться, нет ли тут рядом посторонних ушей.

– А это, чтобы понадёжнее закрыть могилу. Похоронили ведь не только эмира, но и дух войны, чтобы нам никогда больше не слышать о ней. Не дай Бог вырвется наружу, столько бед натворит. А так всем нам спокойнее и ему, Тамерлану, вроде честь.

– А что написано на плите? – полюбопытствовал ученик, ещё не освоивший грамоты.

– Возвеличивают тут Тимура и пугают, чтобы не трогали его

прах. А то, мол, прокляты будут те, кто осмелится потревожить его. Только, по-моему, напрасно это. От людей не спрячешься ни на том, ни на этом свете. И что заслужишь, то и получишь в полной мере. Не сейчас, так потом.

Слова старого мастера Ашурмада можно считать достойной эпитафией самаркандскому повелителю, покорителю Вселенной, светочу справедливости, и просто злобному, коварному и жестокому человеку, на совести которого уничтожение сотен тысяч ни в чём не повинных людей во всех концах подлунного мира.

На этом я, дервиш Мирзо Якуб Худжанди, завершаю свои записи, ибо годы человека не бесконечны, а силы утекают, как струйка родника сквозь жадный песок пустыни. Я начал их в дни величия эмира, а завершил с последним вздохом одного из самых страшных людей, каких только знала история человечества».

Леонид ЧИГРИН,
(Таджикистан). Taryhu proza